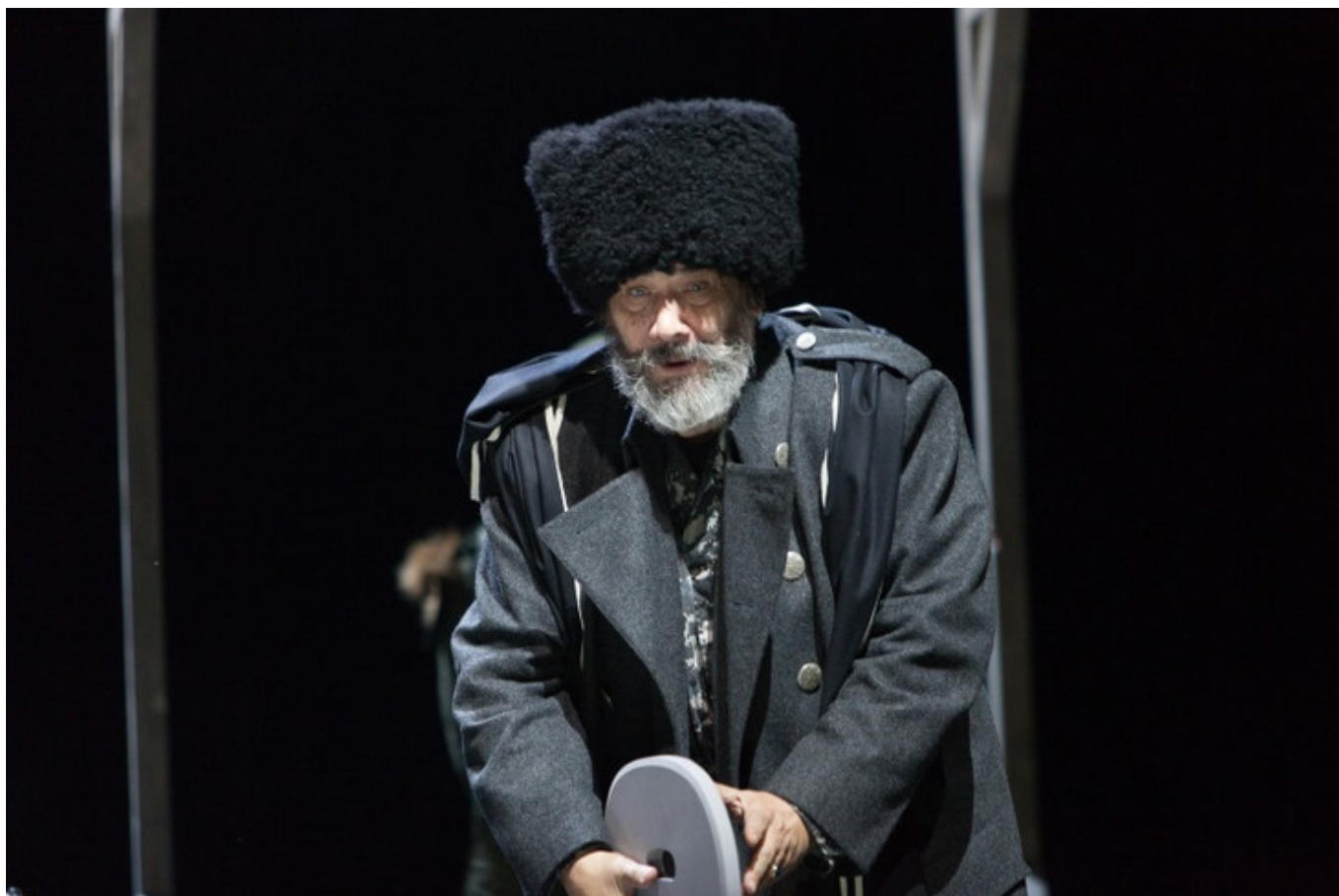

Русский раскол на вокзале в Базеле | Le shiisme russe à la gare de Bâle

Auteur: Наталья Трайер, [Базель](#), 28.10.2015.

Владимир Маторин в роли Ивана Хованского (©Simon Hallström)

Городской оперный театр впервые предложил публике оперу Мусоргского «Хованщина» в редакции Шостаковича и с хором Стравинского. На премьере побывал наш корреспондент.

|
Pour la première fois le Theater Basel propose sa version de “La Khovanchtchina” de Moussorgski, en rédaction de Chostakovitch et avec le choer final de Stravinski.

Le shiisme russe à la gare de Bâle

За последний год в афишах как минимум трех европейских театров появилось название народной музыкальной драмы Модеста Мусоргского «Хованщина» – в Бельгии, Австрии и Германии. Швейцария поддержала наметившуюся тенденцию.

Новое руководство Театра Базеля остановило свой выбор на «Хованщине» для открытия сезона – премьера состоялась 22 октября. С целью выполнения разнообразных творческих задач пригласили российских и русскоговорящих постановщиков (режиссер Василий Бархатов, художник Зиновий Марголин, музыкальный руководитель и дирижер Кирилл Карабиц), а также нескольких исполнителей главных партий. Такой подход оказался верным и особенно оправданным в работе с сочинением, которое обращается к неоднозначному периоду русской истории конца XVII столетия – действие разворачивается в момент, непосредственно предшествующий началу царствования Петра I, реформировавшего Россию и развившего и укрепившего ее связи с Европой.

Сюжет оперы и ее либретто составлены самим композитором, которого Дмитрий Сергеевич Лихачев назвал «еще не вполне изученным русским историком». Уже во время работы над «Борисом Годуновым» Мусоргский приступил к сбору материала для «Хованщины», мечтая и о «Пугачевщине», которая завершила бы этот своеобразный оперно-исторический триптих. Увы, ему не удалось осуществить замысел – композитор скончался 42 лет, не успев дописать даже клавир «Хованщины» и практически не оркестровав ее.

Йорданка Милкова (Марфа) и Рольф Ромай (Андрей Хованский) (©Simon Hallström)

Сюжетные линии искусно переплетаются: грубая сила и бездуховность народа (стрельцы) противостоят так и не появляющимся на сцене, но все же побеждающим представителям царской власти (маршевые фанфары петровцев в оркестре – более чем достаточное доказательство их присутствия в идеологической составляющей конфликта). Фаворита царевны Софьи, прозападно настроенного князя Голицына, не терпит коварный боярин Шакловитый. Духовное начало олицетворяют богобоязненные черноризцы: жертвенные раскольники ради желания молиться так, как отцы их молились, идут на смерть.

Своей задачей Мусоргский видел отражение «прошлого в настоящем». Греховность народа и царей, всегда ведущая в геенну огненную, идея сострадания и раздумья – это лишь малая толика занимавших композитора мыслей о судьбе Руси.

В Базеле, где данная постановка – единственное пока обращение оперного театра к 134-летней «Хованщине», была выбрана редакция не Николая Андреевича Римского-Корсакова, друга безвременно ушедшего композитора, но преклонявшегося перед его творчеством великого Ученика Дмитрия Дмитриевича Шостаковича (1959). Того самого, что (зря, разумеется!) однажды обмолвился: «Я еще не написал ни одной строки, достойной Мусоргского». В его редакции многое из того, что современникам Модеста Петровича казалось неоправданным и дерзким, зазвучало естественно и органично. В качестве финала оперы использован хор, написанный Игорем Стравинским (1913). Такой версией – Мусоргского-Шостаковича-Стравинского – в Венской опере еще 26 лет назад дирижировал Клаудио Аббадо, так что ее уже можно считать канонической.

Павел Янковский (©Simon Hallström)

Лапидарность оформления спектакля соответствует скорее протестантскому

швейцарскому городу, чем потенциально роскошным подсказкам сценических ремарок композитора. Вместо богатых княжеских палат Хованского – более чем скромное убранство безымянного вокзального зала ожидания советских времен. Это здесь задушат лютеранку Эмму и упадет бездыханный Хованский. Нет и московской Красной площади – часть действия теперь вписана в тупиковое пространство железнодорожного полотна. Хоромы князя Голицына «превратились» в небольшое стрельбище с накрытой на свежем зимнем воздухе нехитрой закуской. Не видит зритель и горящих раскольничьих скитов в финале: смерть староверцы смиренно принимают на вокзальной платформе не через самосожжение, а после глотка зелья, которое всю оперу находилось в портфеле главы раскольников Досифея. Знакомая нам из церковной службы и называемая обрядом причастия процедура становится одновременно смертельной и символически-спасительной для верующих.

Впрочем, однажды огонь на сцене все же возникает: в первом действии, когда Хованский приказывает стрельцам облить бензином одиноко стоящий вагон, нагруженный трупами «негодных» людей (по Мусоргскому – бояр).

Дирижеру Кириллу Карабицу удалось высветить то, что не прописано на нотном стане и в тексте либретто, однако «витают в воздухе» партитуры и есть во всем строе оперы. Он также смог поделиться своим, в том числе, и интуитивным, знанием с хором и оркестром, основную часть которых (что, разумеется, логично!) не составляют русскоязычные исполнители. Оба коллектива (хормейстер – Хенрик Полус) заслуживают похвал за свой нелегкий труд и достойное исполнение своих партий.

Трехчасовая опера разбивается антрактом лишь единожды: после убийства раскольницей Марфой Эммы, новой сердечной зазнобы любимого ею князя Андрея. Причем убийство это совершается на удивительно проникновенной песне Марфы «Исходила младешенька». Во время остальных стыков между действиями (а их пять) на опускающийся белый занавес проецируются видеоэпизоды: то заснеженные железнодорожные пути со стоящими вдоль них редкими кустами, то – крупным планом – шпалы, показанные в медленном шатающемся движении камеры.

Йорданка Милкова (Марфа) и Рольф Ромай (Андрей Хованский) (©Simon Hallström)

Режиссер Василий Бархатов работал с удачно подобранным составом солистов. Сцены с участием хора и взаимоотношения между исполнителями сольных партий полны деталей, делающих действие интересным зрителю. Из певцов, для которых русский язык не является родным, с точки зрения произнесения текста и его обыгрывания на высоте оказались исполнители партий князя Андрея Хованского (Рольф Ромай) и подьячего (Карл-Хайнц Брандт). Болгарка Йорданка Милкова в роли раскольницы Марфы была бы еще лучше, будь у нее чуть крепче и прозрачнее голос и меньше (порой нескрываемого) злорадства. Исполнитель партии Досифея и обладатель сильного голоса бархатного тембра Дмитрий Ульянов представил своего героя не столько мыслителем и средоточием высшего разума (в воспоминаниях современников таковым остался в этой роли Федор Шаляпин), сколько административным церковным авторитетом в рясе, кожаном плаще и кроссовках. Став невольным свидетелем убийства Эммы, Досифей Мусоргского вряд ли не изменил бы своего ласково-покровительного отношения к Марфе. Тепло публика встречала, впрочем, не только его, но и Дмитрия Головнина (князь Василий Голицын) и Павла Янковского (боярин Шакловитый). Вокальное и актерское воплощение их образов органично вписалось в общую канву спектакля.

Мэтр русского оперного репертуара Владимир Маторин – это деяния прототипа его героя однажды царь Петр Первый «...обозвал „хованщиной“ и велел сыскать» – показал весьма колоритного предводителя стрельцов. Игра его на сцене – живая, образная и до деталей продуманная – заслужила восторженные аплодисменты в конце представления. Сцена убийства князя в режиссерской интерпретации превратилась в сцену самоубийства. Хованский требует персидок – и встречает немой, но категоричный протест исполнить эту просьбу сначала со стороны

стрелецких жен, а потом их мужей. Во время звучания прямой танцевальной музыки не ориентальные красавицы удивляют пластичностью своих юных тел, но стрельцы складывают перед предводителем свое оружие. Хвативший еще до этого приличное количество вина, Хованский не дает возможности застрелить себя боярину Шакловитому. Пуля, отправленная его собственной рукой в висок, оставляет стрельцов без «бати».

Опера до сих пор полна загадок для исполнителей и зрителей, тем интереснее наблюдать, как очередное режиссерское и музыкантское прочтение раскрывает ипостаси композиторского замысла.

Владимир Маторин (Иван Хованский) (©Simon Hallström)

Оркестровое вступление оперы «Рассвет на Москва-реке» считают символом любви автора к родной земле и ее народу; одновременно тихое и могучее, оно погружает в эпическое настроение. На закрытый занавес с первых секунд его звучания проецируется видеoinформация. Поэтически емкая демонстрация рассветов в столице и в местах, удаленных от нее на разное количество часовых поясов и тысяч километров, представляет зрителю широчайший простор и необъятный размах страны, в которой развернулись запутанные, многосложные исторические события. Это государство вдоль и поперек связано железными дорогами, а по ним мчат поезда в близкие и далекие города, села и полустанки с их залами ожидания...

«Хованщина» в постановке Василия Бархатова и Кирилла Карабца пройдет на сцене Театра Базеля в этом году еще 12 раз, на чем жизнь спектакля, видимо, завершится. Спектакль идет на русском языке с немецкими и английскими субтитрами. Ознакомьтесь с расписанием представлений и заказать билеты можно на [сайте театра](#).

От редакции: Нам показалось уместным и интересным поделиться с вами отрывком из мемуаров великолепного баса прошлого века Марка Рейзена, выдающегося исполнителя партии Досифея. В 1928 году певец гастролировал в Свердловске (ныне Екатеринбург) и должен был петь Досифея в нескольких спектаклях. «Накануне третьего спектакля, все билеты на который были проданы, мне вдруг сообщили, — вспоминает Марк Осипович, — что «Хованщину» отменили и спектакль будет заменен другим. В дирекции театра мне сообщили, что среди городских и окрестных жителей, оказывается, много староверов. И вот, спектакль, в котором воссоздается одна из страниц истории раскола и одна из центральных фигур которого глава раскольников, для них был источником не только музыкальных эмоций... Слух о «Хованщине» быстро распространился, и на следующий день толпы бородачей потянулись к кассе театра... Дирекция очутилась перед ситуацией, когда едва ли не весь зал оказался закуплен верующими. Вопрос об антирелигиозной пропаганде стоял в те годы остро, в тех глухих местах — в особенности, а тут — какая уж «анти»?.. Почли за благо «Хованщину» на некоторое время из репертуара исключить». Времена не меняются?

[Базель](#)

Source URL: <https://www.nashagazeta.ch/news/culture/russkiy-raskol-na-vokzale-v-bazele>